

КОНТРАКТ НА НЕЛЮБОВЬ

Когда вражда плавится быстрее карамели



NEVER MORE

Never More

Контракт на НЕЛЮБОВЬ

<https://litres.ru/74600302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Контракт на нелюбовь: 15 миллионов рублей за симуляцию страсти.

ПРАВИЛА ИГРЫ:

1. Ненавидеть друг друга в прямом эфире.
2. Целоваться перед вспышками светской хроники.
3. Никогда не кормить ее вне съемочной площадки.
4. Главное — не влюбляться.

Она поставила его ресторану 2 балла из 10, пустив прахом годы каторжного труда.

Он готов был придушить ее фартуком при первой же встрече.

Теперь продюсеры реалити-шоу платят им состояние за фальшивый роман года, а вся страна следит за искрами между надменным критиком и яростным шефом.

Но в три часа ночи на пустой студийной кухне сценарий летит к чертям.

Когда он замешивает для нее простую пасту с шалфеем, ее ледяной панцирь трещит по швам. А когда он узнает, какую боль скрывает ее цинизм, игра превращается в войну за ее сердце.

В книге вас ждут:

Острый, искрящийся троп от ненависти до любви;
Фиктивные свидания, вышедшие из-под контроля;
Сильный, надежный шеф с характером и героиня со стальным
стержнем и разбитым сердцем.

Содержание

КОНТРАКТ НА НЕЛЮБОВЬ	5
ПРОЛОГ. АНАТОМИЯ ХОЛОДНОГО ПЕПЛА	5
ГЛАВА 1. КИПЯЩИЙ БУЛЬОН КУЛУАРОВ	11
ГЛАВА 2. СУД НОЖЕЙ И ФАЛЬШИВЫХ ТЕКСТУР	21
ГЛАВА 3. КОНТРАКТ НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ	35
ГЛАВА 4. ПОСТАНОВОЧНЫЙ САХАР И ЖИВОЙ ОГОНЬ	47
ГЛАВА 5. ШЕЛК, УСТРИЦЫ И ПРОТОКОЛ	55
ГЛАВА 6. ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА В «ЗОЛЕ & МЁДЕ»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Never More

Контракт на НЕЛЮБОВЬ

КОНТРАКТ НА НЕЛЮБОВЬ

ПРОЛОГ. АНАТОМИЯ ХОЛОДНОГО ПЕПЛА

В гастрономическом мире столицы существовало негласное суеверие: если за дальний угловой столик садилась одинокая женщина с прямой, балетной спиной, не снимавшая темных очков до первого глотка воды, шефу смены следовало либо немедленно выпить валидола, либо списать заготовки на сорок тысяч рублей и молиться.

Большинство ресторанных критиков выдавали себя сами. Одни демонстративно клали на накрахмаленную ткань тяжелые кожаные молескины, другие заставляли официантов повторять по пять раз происхождение фермерской страчателлы, третьи вертели тарелки под лучами телефонных фонариков, ловя идеальный угол для сторис.

Алина Ветрова не делала ничего из этого.

Она пришла в «Золу & Мёд» в дождливый октябрьский

вторник, в двадцать минут девятого вечера. Заведение Марка Левандовского гудело на пике своей недолгой славы: две недели назад в профильных телеграм-каналах прогремела новость об открытии авторского нео-бистро от «бунтаря скандинавской волны», стажировавшегося в Копенгагене и Осло. Зал на сорок посадочных мест был заполнен до отказа: глухой стук дизайнерской керамики, шипение открываемых бутылок петната, смех модной публики в оверсайз пиджаках и фоновый гул открытой кухни, дышавшей жаром дровяного гриля и раскаленного чугуна.

Алина села спиной к раздаточной линии.

Она не хотела видеть лицо Марка Левандовского. Она знала его по фотографиям в глянце: резкие черты лица, недельная темная щетина, холодный, цепкий взгляд человека, привыкшего подчинять огонь и людей, и неизменный закатанный по локоть белоснежный китель. Смотреть на повара в процессе готовки — значит поддаться гипнозу театра. А кухня, как твердо знала Алина, была именно театром, где за красивым жестом пинцета слишком часто прятали технологическую пустоту.

Ее пальцы, длинные и тонкие, с коротко стриженными ненакрашенными ногтями профессионального кондитера в завязке, скользнули по ребристому краю меню. Бумага была плотной, серой, сделанной из переработанных отходов пивоварни — мелкая деталь экологического нарциссизма, столь модного в этом сезоне.

— Воды без газа комнатной температуры, — бросила она подошедшему официанту, юноше с серебряным каффом в ухе. Голос Алины звучал негромко, но в нем слышалась та абсолютная, скупая четкость, которая исключала дежурный скрипт «позвольте рассказать вам о нашей концепции».

Официант моргнул, записал в терминал и отошел.

Алина медленно выдохнула. Ее внутренний хронометр включился.

Ресторан пах сложной смесью березового угля, ферментированного яблочного уксуса, розмаринового дыма и того специфического сладковатого духа дорогого сливочного масла, который безошибочно выдавал серьезную французскую базу заведения. Пока все шло без сбоев. Но первый тревожный звонок раздался, когда на стол опустилась хлебная корзина.

Хлеб на закваске собственного выпекания. Темная, почти черная корка, глянцевые пузыри мякиша. Рядом — взбитое масло, посыпанное пеплом из лука-порей.

Алина отломил кусок. Корка должна была издать сухой, стеклянный хруст. Вместо этого раздался глуховатый щелчок: тесто отсырело. Влажность в цехе расстойки была превышена, либо хлеб нарезали слишком горячим, заперев пар внутри порции. Она поднесла кусок к губам. Кислотность закваски была чрезмерной, агрессивной, отдающей уксусной кислотой вместо мягкой молочной. Масло с пеплом не спасало ситуацию — луковый пепел был передержан в печи на

лишние десять минут и горчил на кончике языка дегтем.

Она сделала один укус, аккуратно промокнула губы плотняной салфеткой и отставила корзину на край стола. Минус два балла за базу.

А затем появился тартар.

Флагманское блюдо Левандовского, о котором трубили ресторанные обозреватели. Вырезка подкопченной оленины, эмульсия из сосновой хвои, маринованные зеленые шишки и чипс из ягеля.

Когда тарелку опустили перед ней, Алина не прикоснулась к вилке. Первые тридцать секунд принадлежали зрению и обонянию.

Подача была эффектной: темно-зеленая матовая тарелка ручной лепки, на которой рваные куски сырого темно-красного мяса тонули в полупрозрачном изумрудном масле. Но запах... Запах не оставлял шансов иллюзиям.

Вместо тонкого, благородного хвойного шлейфа, оттеняющего естественную дикость оленины, в нос ударил концентрированный терпеновый дух. Слишком высокая концентрация эфиров. Словно повар раздавил свежие сосновые почки прямо в чашу блендера на максимальных оборотах, нагрев масло и разрушив хлорофилл.

Алина зачерпнула порцию. Мясо оленины — нежнейший продукт, требующий минимального вмешательства. Но во рту волокна ощущались паштетообразными, ватными. А сосновая эмульсия накрыла язык такой ядовитой горечью,

что рецепторы мгновенно заблокировали любые другие оттенки.

Ни соли. Ни умами. Только мокрая хвоя и ощущение, будто ты упал лицом в прелую лесную подстилку после осеннего ливня.

Она с трудом сглотнула микроскопический кусочек, положила вилку на край тарелки и подняла руку.

Официант подлетел через секунду:

— Что-то не так с подачей?

— Унесите, — спокойно произнесла Алина.

— Вам не понравилось мясо? Шеф лично отбирает поставки дичи с Кольского полуострова...

— Дело не в олене, молодой человек. Дело в том, что ваш шеф попытался компенсировать технологический брак агрессивным маркетингом. Принесите счет.

— А десерт? Вы заказывали авторский топинамбур с грецкишным мороженым!

— Не стоит усугублять катастрофу, — Алина достала золотую карту без тиснения имени. — И передайте Левандовскому: лес хорош в пейзажах, а не в качестве орудия пытки для гостей.

Через двадцать минут она сидела в салоне своего автомобиля, глядя сквозь мокрое лобовое стекло на неоновую вывеску «*Зола & Мёд*». В салоне пахло кожаными сиденьями и ее духами с нотами горького апельсина и сухого дуба.

Во рту все еще держался мерзкий привкус пережженного

соснового масла.

Внутри у Алины не было злорадства. Была лишь холодная, давящая усталость. Каждый раз, когда очередная дутая звезда гастрономического олимпа спотыкалась о собственное гигантское эго, Алина вспоминала Дениса. Вспоминала ту же самую спесь, ту же глухоту к критике, ту же слепую уверенность, что публика — это стадо, обязанное жрать сырой концепт просто потому, что на нем стоит модная подпись.

«Ты сам вырыл себе яму, Марк», — мысленно произнесла она.

Дома, в половине третьего ночи, ее пальцы летали по клавиатуре, выбивая смертный приговор:

«...Мед скис, осталась одна лишь зола. Оценка: 2 из 10».

Enter.

ГЛАВА 1. КИПЯЩИЙ БУЛЬОН КУЛУАРОВ

Сцена 1. Кабинет baracuda

Утро в дирекции развлекательного вещания телеканала начиналось не с кофе, а с запаха свежей типографской краски и валидола.

Алина сидела в глубоком кожаном кресле напротив огромного панорамного окна, за которым серое осеннее Останкино тонуло в мороси. На журнальном столике между ней и генеральным продюсером Артуром Борисовичем дымилась фарфоровая чашка с эспрессо. Алина к ней даже не притронулась: пенка крема была слишком бледной, пузырчатой — кофеварку в приемной не чистили минимум неделю.

— Ты ведь понимаешь, девочка моя, что я держу тебя за горло обеими руками? — Артур откинулся на спинку скрипнувшего кресла, закинув ногу на ногу. Его шелковый платок в нагрудном кармане ядовито-лимонного цвета резал глаза. — Три с половиной года ты резвилась в своем телеграм-канале, как партизан в брянских лесах. Топила рестораны Новикова, разносила Раппопорта, устроила истерику вокруг сингапурского ужина в «Панораме». И думала, что VPN и прокси защитят тебя вечно?

Алина скрестила ноги, расправив ткань узких темно-синих брюк. Ее лицо оставалось непроницаемым, как полированный обсидиан.

— Вы потратили сорок минут моего времени, Артур Борисович, чтобы рассказать, как хорошо работают ваши специалисты по кибербезопасности? Утечка исходников с закрытого ужина не стоила вам ни копейки. Это была дегустация блюд из просроченных морепродуктов, половина гостей ушла с кишечным спазмом. Если я обнародую результаты лабораторных анализов тех устриц, ваш телеканал потеряет генерального спонсора быстрее, чем вы успеете напечатать исковое заявление.

Продюсер хрипло, утробно рассмеялся, обнажив безупречные виниры:

— Боже, какая прелесть! Зубки! Обожаю, когда они показывают зубки до того, как увидят сумму на чеке. Алина, детка, устрицы никого не волнуют. Волнует то, что ты нарушила NDA, подписанный твоей очаровательной ручкой на входе. Неустойка — восемь миллионов рублей. Плюс обеспечительный арест твоих счетов по ходатайству нашего юридического департамента. Судья уже ждет отмашки.

Он придвинул к ней тяжелую серую папку с тиснением «Битва вкуса. Сезон 3».

— Но я добрый человек. Я даю тебе выход. Ты снимаешь капюшон анонимности. Садись в судейское кресло рядом с Резниковым. И получаешь по миллиону рублей за каждый

съемочный пул. Всего двенадцать пулов. Считай сама. Ты не просто закрываешь долг, ты выходишь в плюс. И получаешь статус главного официального голоса ресторанной критики страны.

Алина не моргнула:

— Вы забыли упомянуть имя третьего судьи, Артур.

Продюсер хищно прищурился:

— А вот это — вишенка на нашем торте. Это чистое телевидение, дорогая. В третьем кресле будет сидеть шеф-повар, которого ты похоронила живьем сорок восемь часов назад. Марк Левандовский.

Комната словно качнулась на долю секунды. Алина медленно сжала пальцы на коленях, чувствуя, как ткань брюк натягивается под ногтями.

— Он не согласится, — сухо сказала она. — Шефы его уровня снобизма не сядут за один стол с критиками, поставившими им два балла.

— Он согласился полчаса назад, — оскалился Артур. — Потому что твой отзыв обнулил бронирования в его необи-стро на два месяца вперед. Банк заблокировал кредитную линию под залог оборудования его кухни. Если Левандовский не получит медийный контракт прямо сейчас, через три недели судебные приставы опечатают его хваленые датские индукционные плиты. Вы оба на крючке, Алина. Вы оба нужны мне в кадре. Ненавидящие друг друга, голодные и готовые вцепиться в глотки.

Артур щелкнул дорогой ручкой и бросил ее на папку.

— Подписывай. Гримерка номер двенадцать ждет. Первый мотор через двадцать пять минут.

Алина смотрела на золотое перо ручки. В голове пронеслись три года борьбы, ночных текстов, страха быть раскрытой Денисом, бесконечных переездов со съемных квартир. Один росчерк — и ее анонимность умрет. Но если отказаться... суд, банкротство, блокировка счетов, и Денис мгновенно узнает, кто скрывался за именем *L'Amertume*.

Она взяла ручку. Металл был обжигающе холодным.

— Я подпишу, Артур. Но если ваше шоу скатится в цирк с жареными опилками, я разнесу его прямо во время прямого эфира.

— Договорились, куколка, — замурлыкал продюсер. — Именно этого от тебя и ждут двадцать миллионов домохозяек.

Сцена 2. Запах жженого сахара и чужой территории

Коридоры третьего блока Останкино напоминали внутренности кита, проглотившего мебельную фабрику и ресторанный ярмарку одновременно. В воздухе висела густая смесь запахов: дешевый дезодорант ассистентов, пыль кулис, гарь от осветительных приборов и тяжелый, удушливый аромат разогретого рапсового масла из технической кухни кейтеринга.

Алина толкнула тяжелую звукоизоляционную дверь с приклеенной скотчем бумажкой «Гримерная 12».

Внутри было просторно, но душно. Вдоль стен выстроились зеркала в рамах из лампочек, два потертых кожаных дивана и передвижные рейлы с одеждой. Но внимание Алины мгновенно приковал не интерьер.

Посреди комнаты стоял раскладной стол из нержавеющей стали, который явно приволокли сюда со служебного склада. На столе лежала массивная торцевая доска из дуба — темная, промасленная, со следами глубоких зарубок.

Перед доской стоял Марк Левандовский.

В жизни он казался еще массивнее, чем на экранах или фотоснимках. Плечи борца, узкие бедра, обтянутые черными поварскими брюками из плотного твила. Рукава кителя были закатаны до предплечий, обнажая сухие, жилистые руки, покрытые сеткой мелких белых шрамов — автографов раскаленных противней, карамелизаторов и сорвавшихся лезвий.

Он методично, с пугающей скоростью шинковал лук-шалот.

Тончайшее лезвие японского клинка рассекало фиолетовые кольца луковицы с влажным, ритмичным шелестом: *ш-ших, ш-ших, ш-ших*. Ни одной слезы в темных глазах. Только механическая, устрашающая концентрация.

На маленькой переносной индукционной конфорке в медном ковшике томилось сливочное масло с веточкой тимьяна и зубчиком раздавленного чеснока. Запах жареного ореха и трав наполнял комнату, перебивая казенную студийную

пыль.

— Если вы принесли микрофон-петличку, бросьте на диван, — бросил он, даже не подняв головы от доски. Голос был хриплым, глубоким, с отчетливой металлической хрипотцой человека, который командует сменой из пятнадцати человек сквозь рев вытяжек. — И передайте ассистенту по закупкам: если он еще раз привезет лежалую рукколу с желтыми стеблями, я заставлю его сожрать весь ящик прямо на глазах у генерального.

Алина шагнула внутрь, и дверь за ее спиной захлопнулась с глухим щелчком замка.

— Руккола в конце октября — в принципе расписка в профессиональной импотенции шефа, Левандовский. Особенно для того, кто позиционирует себя как адепта северного локавора.

Нож замер.

Лезвие застыло в доле миллиметра от ногтя Марка. Воздух в гримерке словно остыл на десять градусов.

Марк медленно, не спеша положил нож на деревянную поверхность доски. Взял льняное полотенце, тщательно вытер руки — палец за пальцем, не упуская ни одной фаланги, — и повернулся.

Его глаза были цвета жженого эспрессо. В них не было удивления. В них горела тяжелая, концентрированная ярость человека, чье детище только что втоптали в грязь на глазах у всего города.

Он окинул ее взглядом с ног до головы. Медленно. Бесцеремонно. От идеально выглаженного лацкана ее темно-синего жакета до кончиков замшевых туфель на тонком каблуке.

— Значит, *L'Amertume*, — протянул он, и его губы скривились в саркастической, опасной усмешке. — Горчинка. Какая поэзия. А в реальности — метр шестьдесят пять рафинированного яда и дешевый парфюм с претензией на нишу.

— Метр шестьдесят восемь, — холодно поправила Алина, не сдвинувшись с места ни на сантиметр. — А парфюм — вытяжка из горького померанца и сухого кедра. В отличие от вашей хвойной эмульсии, Левандовский, здесь соблюден баланс летучих веществ.

Марк сделал шаг вперед. Он двигался бесшумно, пружинисто, как крупный хищник в клетке. Дистанция между ними сократилась до одного метра. От него исходила волна сухого жара, заставившая кожу Алины под шелковой блузкой покрыться мурашками.

— Ты хоть представляешь, сколько жизней ты перечеркнула этим своим постом, девочка? — его голос упал на октаву ниже, зазвучав прямо у нее в перепонках. — Ты пришла во вторник. В самый тяжелый день недели. Су-шеф свалился с аппендицитом за два часа до сервиса. Заготовки стояли на стажере. Я лично перебирал оленину, спал три часа за двое суток. И ты, сытая, наглая туристка, приходишь, ковыряешь вилкой край тарелки и пишешь, что мед скис?!

— А меня не должны волновать ваши аппендициты и бес-

сонница, шеф! — парировала Алина, и ее глаза сверкнули стальным блеском. Она не отступила ни на шаг, запрокинув голову, чтобы смотреть прямо в его потемневшее лицо. — Гость в зале платит за тартар тысячу восемьсот рублей не для того, чтобы сопереживать вашей тяжелой судьбе! Он платит за баланс вкуса, за качество мяса и за то, чтобы не плевать терпеновым маслом в салфетку! Если вы не способны контролировать раздачу в форс-мажор — закрывайте двери и вешайте табличку «Шеф устал». Это честнее, чем кормить людей опилками с претензией на датский авангард!

Они тяжело дышали, глядя друг на друга в упор. Расстояние между ними растаяло до тридцати сантиметров.

Марк видел тонкую венку, бьющуюся у нее на бледной шее, чувствовал прохладный аромат ее кожи, контрастирующий с жаром его конфорки. Алина видела крошечный белый шрам над его правой бровью и ощущала запах его тела: дикий розмарин, мука, железо и злой, чистый адреналин.

— Знаешь, чего тебе не хватает, Ветрова? — тихо, почти интимно спросил он, наклоняясь так близко, что его дыхание коснулось ее виска.

— Просветите, шеф.

— Тебе не хватает хотя бы одной смены у раскаленной плиты. Чтобы ты обожгла свои холеные пальцы карамелью до мяса. Чтобы ты поняла, что еда — это плоть, кровь и пот, а не циничные буквы на экране смартфона.

— Я знала о карамели больше, чем ты когда-либо узнаешь

о своем топинамбуре, Левандовский, — выдохнула Алина, и в ее голосе на долю секунды прорезалась такая древняя, глухая боль, что Марк на мгновение запнулся.

Но прежде, чем он успел прочесть выражение ее глаз, дверь гримерки распахнулась с треском, едва не слетев с петель.

— Дети мои! Красота-то какая! — в комнату влетел Артур Борисович, сияя, как начищенный медный таз. За ним семенили два гримера с чемоданами косметики и оператор с ручной камерой. — Мотор через десять минут! Марк, китель надень чистый, без пятен лука! Алина, губы ярче, добавьте ей винной помады, пусть выглядит как роковая женщина перед дуэлью!

Артур хлопнул в ладоши, окинув их взглядом: — Вы чувствуете этот воздух? Тут искры летают! Если вы перенесете хотя бы четверть этой ненависти на судейский стол, мы порвем прайм-тайм пятницы!

Марк медленно выпрямился, не сводя взгляда с лица Алины.

— Не волнуйся, Артур, — глухо произнес шеф, подхватывая с вешалки белоснежный китель с вышитым на вороте логотипом своего гибнущего ресторана. — Ненависти здесь хватит на целый сезон.

— Надеюсь, ваша печень выдержит такой объем желчи, шеф Левандовский, — бросила Алина, садясь в кресло перед гримерным зеркалом и поворачиваясь к нему спиной.

В отражении зеркала она поймала его тяжелый, немигающий взгляд. Игра началась. И обратного пути больше не было.

ГЛАВА 2. СУД НОЖЕЙ И ФАЛЬШИВЫХ ТЕКСТУР

Сцена 1. Металл, софиты и тридцать секунд до ада

Съемочный павильон номер четыре не имел окон. Время здесь измерялось не движением солнца над промзоной Королева, а нагревом осветительных ферм: через сорок минут после включения стокиловаттных ламп Argi воздух под потолком раскалялся до состояния сухой финской парной, а на уровне рабочих станций начинал пахнуть перегретым телефоном, влажной дезинфицирующей ветошью и адреналином шестнадцати перепуганных поваров.

Павильон был выстроен в форме гигантского амфитеатра из полированной листовой стали и черного матового керамогранита. По периметру арены полукругом стояли шестнадцать индивидуальных боксов: индукционные варочные панели Kuppersbusch, вакууматоры, гранитные раковины, ряд подвешенных над головой магнитных планок с ножами и ледогенераторы, монотонно ронявшие кубики замороженной дистиллированной воды в нержавеющей лотки: *цок... цок... цок.*

В центре зала, на возвышении полутора метров от уровня пола, царил судейский стол — монолитная плита из искусственного базальта, перед которой на подвижных шарнирах

висели три тяжелые вещательные камеры на гидравлических кранах.

Алина поднималась по ступеням подиума с ощущением, будто идет по трапу перед прыжком без парашюта.

Винная помада, на которой настоял Артур, стягивала губы легкой восковой пленкой. Стилисты затянули ее темно-синий жакет широким кожаным ремнем с тяжелой серебряной пряжкой, превратив силуэт в безупречный, почти милитаристский кокон. В правом кармане жакета лежала ее собственная дегустационная ложка — тонкий стержень антикварного серебра 84-й пробы с черненым гербом на черенке, единственный физический предмет, оставшийся от ее прежней жизни до краха в «Норд Групп».

Слева от нее опустился в кресло Илья Резников.

В свои шестьдесят два года Резников представлял собой ходячий памятник сытым нулевым: тяжелый перстень с изумрудом на указательном пальце, бархатный бордовый пиджак с шелковыми лацканами, безупречно подстриженная борода клинышком и вечный, слегка масляный шлейф тяжелого табачного одеколona Tom Ford. Он открыл рестораны в Москве еще тогда, когда слово «локаворство» принимали за название редкого венерического заболевания, а оленину подавали исключительно запеченной под майонезной шапкой с ананасами.

— Расслабьтесь, деточка, — лениво проурчал Резников, поправляя микрофон-петличку на лацкане. — Телевидение

— это не гастрономия. Это цирк шапито, в котором клоуны готовят еду, а мы делаем вид, что нам не все равно. Улыбайтесь в левую камеру, хвалите спонсорский сыр, разносите в пух и прах мальчиков из провинции — зритель любит, когда провинцию ставят на место. И главное: не перебивайте Левандовского. Мальчик нестабилен, у него банкротство на носу, пусть побуянит. Публика обожает психопатов у плиты.

Алина даже не повернула головы в его сторону:

— Если бы я хотела услышать лекцию о конформизме, Илья Семенович, я бы перечитала меню ваших сетевых пиццерий за две тысячи четвертый год.

Резников лишь хохотнул в усы, ничуть не обижевшись: толстая кожа ветерана индустрии выдерживала и не такие уколы.

Справа послышался глухой скрип подошв по студийному настилу.

Марк не просто подошел к столу — он занял пространство вокруг себя, как вытесняет воду брошенный в ведро кирпич. Он переоделся: вместо фартука на нем был тяжелый серый свитшот из грубого футера со срезанным воротом и закатанными до локтей рукавами. От него разило крепким черным чаем с чабрецом и тем первобытным, злым холодом, какой исходит от человека, готового к уличной драке.

Он швырнул свой блокнот для судейских оценок на базальтовую плиту. Плотная обложка гулко шлепнулась о камень.

— Садись ровно, Ветрова, — не глядя на нее, произнес он сквозь зубы. — Твой левый локоть нависает над моей рабочей зоной.

— Судейский стол поделен на три равных сегмента по восемьдесят сантиметров, шеф Левандовский, — отозвалась Алина, демонстративно положив предплечье ровно по разделительной черте матового стыка. — Учитесь делить территорию. На кухне вам это, судя по всему, удавалось с трудом.

Марк медленно повернул лицо. На расстоянии тридцати сантиметров она увидела мелкую паутинку лопнувших сосудов в уголках его глаз — след бессонных ночей над технологическими картами и бухгалтерскими балансами.

— Территория кухни принадлежит тому, кто держит нож, — тихо сказал он. — А здесь у тебя ножа нет. Только ложечка. Не поранься, принцесса.

— Внимание, павильон! — взревел из подвесных мониторов голос помощника режиссера. — Десять секунд до мотора! Трапедия света на подиум! Участники, руки на исходные! Три... два... один... Эфир!

Зажглись багровые неоновые арки. Зазвучал агрессивный, индустриальный бит главной темы передачи, от которого завибрировали низкие частоты в полу.

— Добро пожаловать на арену «Битвы вкуса»! — зычно провозгласил ведущий в глубине зала. — Сегодня шестнадцать лучших су-шефов страны столкнутся с испытанием, в котором нет права на ошибку. Тема первого отборочного ра-

унда — «Птица и дикоросы: переосмысление русской дичи». Шестьдесят минут. Время пошло!

Гул шестнадцати включенных вытяжек слился в один протяжный низкий стон, похожий на рев турбины выходящего на форсаж лайнера.

Сцена 2. Анатомия первой ошибки

Первые сорок минут прошли в лихорадочной динамике.

Операторы с тяжелыми ручными стедикамами сновали между рядами кухонных станций, выхватывая драматичные кадры: шипение раскаленного сливочного масла на сковородах De Buyer, взлетающие языки пламени при фламбировании коньяком, дрожащие пальцы поваров, срывающих пинцетами листья микрозелени с пластиковых подложек.

Марк не сидел в кресле. Он стоял, опершись кулаками о базальтовый край стола, подавшись всем корпусом вперед, хищно сканируя взглядом каждое движение участников. Его челюсти непрерывно двигались, перетирая невидимую жевательную резинку.

— Четвертый бокс перегревает сковороду, — отрывисто, вполголоса бросал он в пустоту, словно комментировал матч для самого себя. — Идиот. У него масло горит. Дым сизый пошел, точка дымления сорвана, сейчас вся кожа куропатки будет горчить канцерогенами... Восьмой бокс — молодец, кость зачистил в один рез, рука поставлена... Десятый — грязь на доске, кровь течет на край стола, санитарный контроль его вышвырнет на пятой минуте...

Алина сидела абсолютно неподвижно, сложив пальцы в замок на коленях.

Она не смотрела на суету. Она прислушивалась к запахам, которые доносила вентиляция.

Обоняние ресторанный критика высшей категории работает как спектрометр: сначала воздух заполнил тяжелый, сладковатый дух жженого лука — кто-то не уследил за сотейником; затем пробила острая, колючая нота уксусной редукции — участник пытался спешно выпарить бальзамик для соуса, не дав ему осесть; следом пошел тонкий, влажный аромат свежераздавленных ягод брусники и можжевельных ягод.

— Три минуты до конца времени! — прозвучала команда тайм-кипера. — Тарелки на раздачу! Пять, четыре, три, два, один... Время вышло! Руки от столов!

К судейскому подиуму пригласили первую тройку.

Первым шел Артем Голубев — коренастый, плечистый парень лет двадцати пяти, су-шеф модного ростовского гриль-бара. Рукава его черного кителя промокли от пота в районе подмышек, на пальце белел свежий пластырь. Он выставил на стол три массивные керамические тарелки темно-песочного цвета с неровными, обожженными краями.

— Шефы... судьи, — парень судорожно сглотнул, бросив испуганный взгляд на ледяное лицо Марка. — Утиная грудка слабой прожарки. Глазурь из уваренной черноплодной рябины с медом, крем из запеченного в золе пастернака с белым

бельгийским шоколадом и чипс из кудрявой капусты кейл, обжаренной в масле с чесноком.

Резников первым придвинул к себе тарелку, по-барски взялся за вилку с ножом и расплылся в благодушной улыбке сытого кота: — Какая колористика! Черноплодка дает прекрасный глубокий тон, прямо русский модерн, полотна Коровина! Молодец, сынок, смело работаешь с локальной темой.

Марк даже не прикоснулся к приборам. Он впился взглядом в срез утиной грудки.

— Какая температура в толще куска перед снятием с плиты? — голос Левандовского прозвучал резко, срезав слащавую паузу Резникова.

— Пятьдесят шесть градусов, шеф, — выпалил участник, вытягиваясь в струнку.

— На термощупе проверял или пальцем тыкал?

— Щупом, шеф. Двухточечным.

— А отдохнуть мясу сколько дал?

— Две минуты на теплой доске под фольгой...

— Полторы, — раздался тихий, шелковый, кристально чистый голос Алины.

Камера номер два мгновенно перевела фокус на ее лицо. В аппаратной Артур Борисович подался к главному экрану, сжимая в руке остывший стаканчик кофе: — Крупный план ее глаз! Держите ее!

Марк медленно, словно у него заклинило шейные позвон-

ки, повернул голову к Алине.

— Что ты сказала?

Алина не взглянула на Марка. Она достала из кармана серебряную ложку, положила ее рядом с тарелкой, но брать не стала. Вместо этого она указала тонким длинным пальцем на нижний край керамического блюда.

— Полторы минуты, шеф Левандовский. Максимум — одна минута сорок секунд. Обратите внимание на нижний правый сектор тарелки. Видите этот полупрозрачный розоватый ободок вокруг подушки из крема?

Участник побелел.

— Мясной сок продолжает выходить наружу, — методично, с безжалостной отчетливостью лектора анатомического театра продолжала Алина. — Мышечные волокна грудки не успели расслабиться после термического шока. Температура снаружи была слишком высокой, сковорода перегрета, градиент прожарки нарушен: снаружи мы видим серый двухмиллиметровый слой пересушенного вареного мяса, а в сердцевине — сырую мышечную ткань, которая сейчас судорожно сжимается и выдавливает внутриклеточную жидкость. Этот сок разжижает крахмальную структуру пюре из пастернака. Через три минуты здесь будет не авторское блюдо, а мутная лужа розовой эмульсии.

Марк стиснул зубы так, что на скулах отчетливо обозначились два желвака.

Он взял приборы, с силой отрезал кусок утки вместе с ко-

жей и зачерпнул щедрую порцию белого крема с черноплодной глазурью. Отправил в рот.

В студии повисла гробовая тишина. Слышно было только, как в дальнем углу мерно капает вода в раковине.

Марк жевал медленно, с закрытыми глазами.

Его вкусовая память, натренированная десятилетием адской работы на передовых европейских кухнях, мгновенно разложила состав на химические элементы. Да, Ветрова была права насчет отдыха мяса — волокна действительно чуть сопротивлялись на зубах, не хватило ста двадцати секунд покоя. Но баланс... Парень поймал фантастическую вкусовую дугу.

Марк открыл глаза. В них полыхнул огонь чистого упрямства.

— Ты оцениваешь еду глазами патологоанатома, Ветрова, — отчеканил он, глядя прямо на нее через судейский стол. — Ты видишь миллиметры и градиенты, но ты абсолютно глуха к плоти вкуса.

Он повернулся к онемевшему конкурсанту: — Утка пожарена на грани риска. Да, температурный перепад был агрессивным, но за счет этого кожа хрустит, как глазированное стекло. Подкожный жир вытоплен полностью — ни малейшего намека на резину, которой грешат девяносто процентов ресторанов в пределах Садового кольца. Черноплодная рябина дает идеальную терпкость, связывающую железистый привкус дичи. А крем... пастернак с белым шоколадом —

это классический северный твист. Жир какао обволакивает рецепторы, смягчая грубость осеннего корнеплода. Парень рискнул уйти от банального яблочного пюре. Для первого этапа — это характер. Это смелость. Я ставлю зачет.

Алина едва заметно усмехнулась. Ее губы тронула та самая ледяная «горчинка», давшая имя ее анонимному блогу.

Она взяла свою серебряную ложку. Зачерпнула каплю крема с самого края — там, где он еще не смешался с вытекшим соком. Поднесла к губам.

Ее брови дрогнули. Всего на долю миллиметра. Но Марк, следивший за каждым микроскопическим движением ее лица, поймал этот жест.

— Характер? — переспросила Алина, положив ложку с сухим серебряным звоном. — Вы путаете характер с кулинарной глухотой, Марк. Этот крем — преступление против продукта. Вы хвалите белый шоколад только потому, что сами страдаете детской болезнью неофитов: попыткой замаскировать неумение работать с натуральным сахаром корнеплодов дешевой кондитерской сладостью.

Она повернулась к участнику. Ее серые глаза пригвоздили парня к полу: — Какой шоколад вы использовали, Артем? Бренд?

Парень нервно сглотнул, переводя взгляд с нее на Марка: — Ну... кондитерский... из спонсорской корзины. В каллетах.

— Дешевый промышленный кондитерский глазурный

шоколад с содержанием гидрогенизированных растительных жиров и ударной дозой синтетического этилванилина, — припечатала Алина. — Ванилин намертво убил тонкий, орехово-землистый аромат пастернака. Во рту остается липкая, скользкая пленка тугоплавкого пальмового масла, которая в сочетании с вяжущими танинами черноплодки дает послевкусие... дешевой аптечной микстуры от кашля, заеденной куском полусырого жира.

Она нажала кнопку на судейском пульте. Загорелся красный сигнал.

— Четыре балла из десяти. Два за птицу, два за чипс из кейла. За крем — ноль. Если шеф Левандовский считает это эталоном, мне искренне жаль гостей его нового заведения. Хотя... о чем это я.Guestы у вас сейчас, кажется, и так немного.

Сцена 3. Температура кипения

Слово повисло в воздухе, как брошенная на сухую солому зажженная спичка.

Резников в своем кресле издал придушенный кашляющий звук, спешно уставившись в планшет.

Участник перед столом застыл с полуоткрытым ртом, боясь даже вздохнуть. Оператор крана плавно подвел объектив в упор к лицу Марка Левандовского.

На лице шефа не дрогнул ни один мускул. Но Алина, сидевшая рядом, почувствовала, как от его тела повеяло такой ледяной, бескомпромиссной яростью, что воздух между ни-

ми затрещал. Его пальцы, лежавшие на столе, сжались в кулаки с такой силой, что кожа на костяшках натянулась до белизны сухожилий.

Он медленно повернулся к ней всем корпусом.

— Повтори, — очень тихо, не разжимая зубов, произнес Марк. Микрофон-петличка уловил его свистящий полусшепот, передав его в динамики аппаратной с пугающей отчетливостью.

Алина не опустила глаз. Она смотрела прямо в его зрачки, сузившиеся до размера булавочных головок.

— Я сказала: вам не стоит компенсировать пустые столы в собственном зале агрессивной защитой бракованных блюд на телевидении, шеф. Это выглядит... беспомощно.

— Стоп! Снято! Перерыв пятнадцать минут! — истошный, визгливый крик Артура Борисовича из аппаратной разорвал тишину, как сирена пожарной тревоги.

Софиты мгновенно притушили, залив площадку дежурным холодным полумраком.

Марк поднялся из-за стола одним слитным, хищным движением. Стул позади него с металлическим скрежетом отлетел назад, ударившись о балюстраду подиума. Он навис над Алиной, уперев одну руку в спинку ее кресла, а другую — в базальтовую столешницу, полностью заперев ее в пространстве.

— Ты перешла черту, Ветрова, — его голос вибрировал от с трудом сдерживаемого бешенства. Он был так близко, что

она видела крошечные золотистые крапинки на радужке его темных глаз и ощущала обжигающий запах его дыхания — крепкий чай, чабрец и горечь. — Ты можешь полоскать мои блюда сколько твоей черной душе угодно. Но если ты еще раз откроешь свой рот по поводу моих ребят, моей кухни и моего бизнеса на камеру...

— То, что, Левандовский? — Алина подалась вперед, и кончик ее острого носа оказался в пяти сантиметрах от его подбородка. Сердце колотилось в горле, как бешеная птица, но страха не было — был пьянящий, безумный азарт дуэли. — Ударить меня? Опрокинешь на меня сотейник с кипящим маслом? Ты же шеф, вы все одинаковые. Когда у вас заканчиваются аргументы вкуса, вы начинаете орать и бить посуду.

— Бить посуду об тебя — слишком много чести для осколков, — процедил Марк.

Он резко выпрямился, брезгливо отдернув руку от ее кресла, словно обжегся о раскаленную сталь, повернулся на каблуках и зашагал к служебному выходу, сбивая плечом тяжелые складки светонепроницаемых штор павильона.

Алина осталась сидеть одна на подиуме.

Ее пальцы все еще сжимали серебряную ложку. Металл стал горячим от тепла ее руки. Она посмотрела на тарелку несчастного ростовского су-шефа: розовый мясной сок окончательно пропитал белый крем, превратив его в грязно-серую слизь.

Она была права. Технически она была абсолютно, безупречно права.

Так почему же в груди, под ребрами, жгло так, словно она сама только что проглотила горсть раскаленных сосновых углей?

ГЛАВА 3. КОНТРАКТ НА МЕДЛЕННОМ ОГНЕ

Сцена 1. Остывающий асфальт и никотиновый пепел

Пожарная лестница служебного блока номер три выходила в глухой технологический тупик между аппаратным корпусом и трансформаторной подстанцией. Здесь никогда не убирали листья: тяжелая мокрая листва тополей лежала бурыми пластами на выкрошившемся советском асфальте, пахнущем машинным маслом, сырой известью и близким снегом.

Октябрьский дождь не шел — он висел в воздухе плотной водяной пылью, оседая каплями на железных рифленых ступенях.

Марк стоял под козырьком запасного выхода, упершись плечом в мокрую кирпичную кладку. На нем не было куртки — только серый свитшот с закатанными рукавами. Пальцы левой руки держали зажженную сигарету.

Он не курил почти два года. Бросил в день, когда подписал договор аренды помещения под «Золу & Мёд»: табачный дым убивал верхние вкусовые регистры, стирал тонкую разницу между пятью сортами яблочного уксуса и притуплял восприятие летучих ароматов диких трав. Но сейчас, по-

сле сорока минут в одном замкнутом пространстве с Алиной Ветровой, ему требовалось что-то горькое, грубое и физически обжигающее горло, чтобы заглушить звон в висках.

Огонек сигареты вспыхивал в полумраке тупика багровой точкой.

Тяжелая металлическая дверь со скрипом приоткрылась. На пороге появилась Алина.

Она накинула свой серый графитовый тренч поверх жакета, но не стала застегивать пуговицы. Руки утонули в глубоких карманах. Ее волосы, еще хранившие форму студийной укладки, от сырости начали слегка завиваться у висков тонкими темными прядями.

Увидев Марка, она инстинктивно замедлила шаг, словно собиралась отступить назад в тепло павильона. Но отступить перед Левандовским означало признать поражение, а признавать поражение Ветрова не умела генетически.

Она шагнула под козырек. Каблуки глухо цокнули по металлу площадки.

— Сигареты притупляют рецепторы на двадцать пять процентов, — произнесла она ровным, отрешенным тоном, глядя на темные верхушки деревьев за забором. — В особенности рецепторы языка, отвечающие за восприятие глутаминовой кислоты и серных соединений. Вам и так не хватает точности в соусах, шеф. Решили добить остатки вкусового аппарата?

Марк медленно повернул голову. Он не вынул сигарету

изо рта. Сквозь струйку сизого дыма его глаза казались абсолютно черными, бездонными и злыми.

— Ты пришла сюда проверить, насколько глубоко вошел твой нож, Ветрова? Или решила прочитать лекцию о вреде табака, чтобы компенсировать собственную профессиональную несостоятельность?

Алина усмехнулась — коротко, сухо, как щелкнул сухой сук:

— Моя профессиональная состоятельность подтверждается тем, что утка вашего ростовского гения истекла соком прямо на глазах у десяти операторов. А крем был сварен на гидрогенизированном мусоре. Вы защищали технологический брак только ради того, чтобы оспорить мое слово.

Марк сделал глубокую затяжку. Огонек вспыхнул яростнее. Он бросил окурок под ноги, наступил на него тяжелым армейским ботинком и шагнул к ней.

Один шаг. Другой.

Он остановился так близко, что капли дождя, стекавшие с края козырька, падали прямо между ними. От него веяло сухим жаром раскаленного тела, табачной горечью, свежим чабрецом и морозным воздухом.

— Я защищал человека, который не побоялся рискнуть, — Марк заговорил тихо, но каждое слово падало с весом чугунной сковороды. — Он ошибся с пропорцией жиров в креме. Да. Я это понял в ту же секунду, когда положил ложку в рот. Но он пытался выйти за пределы унылого ресто-

ранного стандарта. А ты... ты не судья. Ты падальщик. Ты сидишь на своей вышке, ждешь, пока кто-то оступится, и с наслаждением вбиваешь человека в асфальт. Ты получаешь от этого физическое удовольствие, правда? Чувствуешь себя богиней, когда чужой бизнес летит к чертям от твоего остроумия?

Алина почувствовала, как к горлу подкатывает горячая волна. Ее самообладание, выстраиваемое годами ледяного затворничества, дало трещину.

— Бизнес? — ее голос дрогнул, потеряв телевизионную сталь, обнажив живую, пульсирующую ярость. — Твой бизнес держится на понтах и датских стажировках, Марк! Ты понятия не имеешь, что такое настоящая потеря! Ты играешь в великого непонятого гения на деньги наивных инвесторов, рассуждаешь о философии мха и шишек, пока реальные люди...

Она осеклась, прикусив губу до боли, до солоноватого привкуса крови. Чуть не сорвалась. Чуть не вывалила перед ним имя Дениса, свои украденные технологические карты и три года унижительной пустоты.

Марк прищурился. Его взгляд стал острым, как скальпель. Он уловил эту паузу, эту внезапную брешь в ее броне:

— Что «реальные люди», Алина? Договаривай. Что ты знаешь о потерях, прячась за анонимным экраном с чашкой макиато?

— Больше, чем ты когда-либо сможешь осознать своим

раздутым шефским эго, — выдохнула она, отступая на полшага к кирпичной стене.

Дверь пожарного выхода распахнулась с оглушительным металлическим грохотом.

— Вот вы где, голубки! Мать честная, какая мизансцена! Мокрый кирпич, дождь, дым, ненависть в глазах — хоть сейчас на обложку спецвыпуска!

Артур Борисович выкатился на лестничную площадку, держа над головой огромный тростевой зонт с золотой ручкой. За его спиной маячила худая фигура Киры, старшего пиар-менеджера проекта, нервно сжимавшей в руках две пухлые пластиковые папки с логотипом телеканала.

— Артур, пошел к черту, — бросил Марк, даже не повернувшись к продюсеру лицом. — У меня смена в павильоне окончена. Я еду в ресторан.

— Никуда ты не едешь, мальчик мой, — Артур перестал улыбаться. Его маслянистый голос мгновенно стал жестким и холодным, как замороженная говяжья туша. — И ты, Алина, останься на месте. В мой кабинет. Оба. Сейчас решится, есть ли у вас завтрашний день в этой индустрии, или вы оба вылетаете в трубу до первого рекламного блока.

Сцена 2. Цена фальшивого золота

Кабинет генерального продюсера пах дорогими сигарами, кожаной обивкой диванов и легкой химической отдушкой кондиционера, работавшего на пределе мощности. На широком столе из мореного дуба перед Артуром лежали два рас-

крытых ноутбука, на которых в реальном времени бежали графики мониторинга социальных сетей и рейтингов пилотных фрагментов.

Артур обошел стол, не снимая мокрого плаща, и бросил перед Марком и Алиной два толстых документа, скрепленных металлическими скобами.

— Любуйтесь, — продюсер ткнул толстым пальцем в экран ноутбука. — Двадцать две минуты назад мы слили в сеть сорокасекундный фрагмент вашей перепалки из-за утки. С фокусом на твои сжатые кулаки, Марк. И на твою очаровательную фразу о пустых столах, Алина.

Он развернул монитор к ним.

Цифры просмотров росли с пугающей скоростью: четыреста тысяч... пятьсот двадцать... восемьсот тысяч. В комментариях под видео творилось безумие.

«Господи, они же сейчас перережут друг другу глотки прямо на столе!»

«Шеф краш, какой взгляд, он ее взглядом раздевает или убить хочет?»

«Критик поставила его на место, обожая ее холодность!»

«Между ними такое напряжение, что у меня утюг включился!»

Марк безглаголиво отвел взгляд от экрана:

— Ты превращаешь профессиональный конкурс в дешевое ток-шоу, Артур. Я подписывался судить технику и вкус,

а не торговать физиономией для малолетних идиотов в комментариях.

— Ты подписывался спасти свой ресторан от банкротства, Марк, — Артур тяжело опустился в кресло, сложив короткие пальцы в замок. — А теперь сними шоры и послушай взрослого человека. Спонсорский пул проекта трещит по швам. Производитель кухонной техники готов закрыть дыру в сорок миллионов рублей. Но у них есть условие. Им не нужны два робота, которые монотонно перечисляют граммы соли в консоме. Им нужна история.

Продюсер постучал ногтем по лежащим на столе документам.

— «Дополнительное соглашение к договору об оказании услуг». Параграф четыре: «Имиджевое и медийное позиционирование». Вы обязуетесь симулировать романтические отношения. Не на экране — на экране вы продолжите собачиться, публика это жрет тоннами. Вне экрана.

В кабинете повисла такая плотная тишина, что стало слышно, как в углу шипит кофемашина, сбрасывая избыточное давление пара.

Алина первой нарушила молчание. Ее голос звучал обманчиво тихо:

— Вы бредите, Артур Борисович.

— Ни капли, моя дорогая, — ухмыльнулся продюсер. — Схема классическая, отработанная в Голливуде еще в тридцатые годы. «Враги на экране, любовники в тайне». Два по-

становочных выхода в рестораны в неделю. «Случайные» кадры папарацци, где Марк подает тебе пальто или кормит десертом с ложечки. Одно совместное интервью для глянца с двусмысленными намеками. До финала проекта — ровно восемьдесят дней.

— Я не стану в этом участвовать, — отрезал Марк. Он поднялся с кресла, нависая над столом. — Ищи других клоунов. Я возвращаюсь на кухню.

— Прекрасно, — Артур даже бровью не повел. Он вытащил из ящика стола серую гербовую бумагу. — Тогда завтра в десять утра банк «Возрождение» запускает процедуру отзыва кредита под твоё оборудование. Сумма задолженности — четырнадцать миллионов восемьсот тысяч рублей. Твои плиты опечатают в полдень. Ресторан закроется до конца недели. Ты вернешься в Копенгаген чистить рыбу на позиции линейного повара, Марк. Потому что в Москве тебе больше никто не даст ни копейки.

Марк замер. Кожа на его скулах натянулась так сильно, что лицо превратилось в череп. Он смотрел на лист с банковским уведомлением с такой безнадежной, глухой яростью, будто перед ним лежало свидетельство о его собственной смерти.

— А если я подпишу? — процедил он сквозь зубы.

— Если ты подпишешь, — Артур подвинул к нему ручку, — фонд телеканала выплачивает тебе единовременный бонус за продвижение шоу. Пятнадцать миллионов рублей.

Прямо завтра на твой операционный счет. Кредит закрыт. «Золá & Мёд» остается твоей.

Марк молчал. В воздухе отчетливо запахло железом и загнанным в угол зверем.

Алина смотрела на профиль Марка — на его сжатые челюсти, на опущенные плечи, на пальцы, готовые переломить ручку надвое. И в этот момент она почувствовала странный, пугающий укол жалости. Он был негодяем, он был снобом, но он горел своим делом. Его шантажировали точно так же, как шантажировали ее саму.

— А какова моя цена, Артур? — спросила Алина, не отводя взгляда от продюсера. — У меня нет ресторанов с долгами перед банками. Вы не можете отобрать у меня то, чего нет.

Артур повернулся к ней. На его круглом лице появилось выражение сытой, снисходительной жестокости.

— У тебя есть кое-что похуже долгов, Алина. У тебя есть прошлое.

Он открыл второй ящик стола и достал тонкую картонную папку без надписей.

— «Норд Кондитерская Групп». Денис Игоревич Соколов. Три года назад. Незаконное присвоение служебной документации, попытка срыва коммерческого запуска линейки десертов, скандальное увольнение с волчьим билетом по статье о нарушении трудовой дисциплины... Продолжать?

Кровь с шумом отхлынула от щек Алины. Пальцы в кар-

манах тренча конвульсивно сжались, ногти пробили тонкую подкладку.

ОН РАСКОПАЛ ВСЕ. До последнего документа, сфабрикованного юристами Дениса.

— Ты создала свой блог не ради правды, деточка, — Артур наклонился вперед, его шепот был ядовит, как мышьяк. — Ты создала его из мести. Чтобы кусать индустрию, которая вышвырнула тебя на помойку. Если эти бумаги завтра окажутся в редакции ключевых телеграм-каналов, твой многомиллионный блог лопнет за полчаса. Тебя разорвут. Превратят в городскую сумасшедшую, которая мстит успешным мужчинам за неудавшуюся карьеру кондитера. Ни один шеф больше не пустит тебя на порог. Твое имя станет синонимом грязи.

Алина не дышала. Сердце колотилось где-то в горле — часто, болезненно, глухо.

Она снова стояла в том стеклянном кабинете Дениса. Снова слышала его насмешливый голос: *«Ты никто, Аля. Без меня ты просто девочка, которая умеет взбивать белки»*. Три года упорного, каторжного труда, три года бессонных ночей, выверенных текстов, борьбы за каждый абзац — все висело на волоске перед этим толстым, самодовольным телевизионщиком.

Она медленно подняла глаза. Взглянула на Марка.

Шеф смотрел на нее. В его глазах больше не было высокомерия или издевки. Он слушал слова Артура и видел ее

побелевшее лицо, видел застывший в ее глазах ледяной ужас человека, которого раздевают на площади. Марк понял все без лишних объяснений: ее жесткость, ее знание технологий, ее ненависть к фальши — все это было шрамами от той же самой мясорубки, в которую сейчас затягивало его самого.

— Три месяца, — глухо повторил Марк, не сводя взгляда с Алины. — Ровно до финала.

— До финала, — подтвердил Артур, довольно откидываясь на спинку кресла. — После объявления победителя вы выпускаете релиз о том, что «творческие разногласия не позволили сохранить союз». И разбегаетесь в разные стороны с чистыми счетами и сохраненными секретами.

Марк протянул руку, взял тяжелую металлическую ручку со стола.

— Мои условия, — произнес он тихим, жестким тоном. — Первое: никаких камер на кухне моего ресторана. Второе: мы не целуемся на публике. Третье: никаких вмешательств в мои оценки на шоу. Я сужу так, как считаю нужным.

— Принимается, — кивнул Артур.

Марк размашисто, с яростным нажимом поставил подпись на последней странице контракта. Бумага жалобно скрипнула под металлическим пером.

Он положил ручку перед Алиной.

Ее рука не дрожала. Она вытащила ладонь из кармана, взяла прибор — металл еще хранил тепло широких пальцев Марка — и вывела свою безупречную, каллиграфическую

подпись с легким росчерком на конце.

— Мое условие только одно, Левандовский, — произнесла Алина, поднимая на него холодные серые глаза. — Ты никогда, ни при каких обстоятельствах не пытаешься готовить для меня за пределами съемочных заданий. Я не принимаю подачек от тех, кого презираю.

Марк криво усмехнулся. В этой усмешке сквозило такое же горькое, выжженное понимание их общей обреченности:

— Можешь не переживать, Ветрова. Я слишком ценю свои продукты, чтобы переводить их на человека, у которого вместо сердца — ледяной кубик из дистиллята.

Артур Борисович радостно хлопнул пухлыми ладонями по столешнице:

— Прекрасно! Просто великолепно! Кира, бронируй столик на двоих в «Меркаторе» на завтрашний вечер. Угловой, у панорамного окна. И предупреди светских фотографов: пусть наденут оптику с хорошей светосилой. Завтра страна узнает, что шеф Левандовский нашел путь к сердцу самого беспощадного критика столицы.

ГЛАВА 4. ПОСТАНОВОЧНЫЙ САХАР И ЖИВОЙ ОГОНЬ

Сцена 1. Спектакль для длинного фокуса

Ресторан «Меркатор» на Пресненской набережной был спроектирован так, чтобы каждый гость чувствовал себя экспонатом в подсвеченной витрине.

Шестиметровые панорамные окна от пола до потолка выходили прямо на изгиб Москвы-реки, по которой скользили прогулочные катера, взрезая черную маслянистую воду снопами желтых и неоновых-синих огней. Внутри царил сумрак, выверенный до люкса: точечные споты теплого ячеистого света падали строго на центр круглых столов из брашированного ясеня, оставляя лица гостей в мягкой кинематографичной полутени. Воздух пах сухим можжевельником, морской солью от устричного бара и сладковатым древесным духом парфюма молекулярной марки, который распыляли через приточную вентиляцию.

Кира, пиар-менеджер шоу, инструктировала их еще на парковке, нервно щелкая колпачком стилуса по экрану планшета:

— Столик номер восемь. Лучшая точка в зале. Справа, на барной стойке, сидит фотограф из «Татлера» с длиннофокусным объективом под видом блогера с коктейлем. Слева,

ближе к гардеробу — парень из крупного телеграм-канала о светской жизни. Никаких прямых взглядов в камеры. Вы увлечены друг другом. Марк, сними часы с титановым ремешком, они блестят и дают дешевый рефлекс. Алина, расстегни верхнюю пуговицу шелковой рубашки. Нам нужна интимность, а не заседание трибунала по военным преступлениям.

Алина пуговицу не расстегнула.

Она сидела на полукруглом изумрудном бархатном диване, положив ногу на ногу. На ней был свободный брючный костюм цвета горького шоколада и молочно-белая блузка из матового шелка, глухо застегнутая под самое горло. Ее спина оставалась безупречно прямой, взгляд скользил по открытой кухне заведения с бесстрастной скукой санитарного инспектора.

Напротив нее сидел Марк.

Он сменил поварской китель на темно-синюю льняную рубашку с закатанными рукавами и шерстяной блейзер, брошенный на спинку дивана. Его темные волосы еще хранили влагу после быстрого душа в служебной душевой телецентра. Под глазами залегли резкие тени — он провел ночь после скандала в кабинете Артура, пересчитывая накладные и проверяя морозильные камеры в «Золе & Мёде».

— Расслабь плечи, Ветрова, — негромко бросил Марк, взяв из запотевшего ведерка бутылку воды и наполнив ее бокал. Тяжелое стекло глухо звякнуло. — У тебя шея напряже-

на так, будто тебя сейчас подведут к эшафоту. Бармен уже трижды покосился в нашу сторону. Он решит, что я держу тебя под прицелом пистолета под столом.

— Ты держишь под прицелом мой здравый смысл, Левандовский, — процедила Алина, не прикасаясь к бокалу. Ее губы едва шевелились, сохраняя для наблюдателей на баре иллюзию расслабленной светской полуулыбки. — И перестань сверлить меня взглядом, как кусок жесткой говядины перед маринованием. Это выглядит не как страсть, а как клиническая паранойя.

— Я смотрю на тебя, потому что за этот столик заплачено полмиллиона спонсорских денег, — парировал Марк. Его голос, низкий и хриплый, скользил по ее обнаженным запястьям. — И если мы провалим этот выход, Артур завтра же аннулирует банковский перевод. Так что будь любезна изобразить хотя бы минимальный интерес к мужчине напротив. Или твой эмоциональный диапазон ограничен шкалой от «ужасно» до «недопустимо»?

— Мой эмоциональный диапазон прекрасно справляется с тем, чтобы отличить фальшивку от подлинника, шеф. И то, что мы сейчас делаем — самая дешевая подделка в моей жизни.

К столику подошел официант — молодой человек с безупречной осанкой, державший на подносе две тяжелые керамические тарелки темного сланца.

— Тартар из сахалинского гребешка с эмульсией из юдзу

и маринованным фенхелем — для дамы. Для шефа — филе утки сухого вызревания с ферментированной сливой, можжевеловым соусом и пралине из фундука. Приятного вечера.

Официант бесшумно исчез в полумраке зала.

Алина опустила взгляд на свою тарелку. Белоснежные кубики сырого гребешка лежали идеальным кругом, залитые полупрозрачным золотистым маслом. Подача была стерильной, журнальной, лишенной жизни. Она взяла десертную вилку, собираясь сделать первый тестовый надрез, но рука Марка внезапно накрыла ее пальцы.

Кожа шефа была сухой, горячей и шершавой от постоянных контактов с металлом плит и острыми краями гастроремкостей. Жесткое кольцо его пальцев сомкнулось вокруг ее тонкого запястья.

Внезапный разряд кинетического тепла прошел руку Алины до самого плеча. Ее дыхание сбилось на долю секунды.

— Что ты делаешь? — выдохнула она, пытаясь высвободить кисть.

— Не дергайся, — Марк не ослабил хватку. Его темные глаза сузились, поймав боковым зрением легкий блеск стеклянной линзы между бутылками на баре. — Папарацци поднял объектив. Он ловит контакт рук. Сиди смирно и дыши ровно.

Он не просто держал ее за руку. Он медленно провел большим пальцем по внутренней стороне ее запястья — ровно

там, где под тонкой белой кожей яростно, часто пульсировала жилка. Это было бесстыдное, пугающе интимное движение, от которого у Алины пересохло во рту.

— Ты переигрываешь, Левандовский, — ее голос упал до свистящего шепота.

— Я работаю на результат, критик.

Марк свободной рукой взял со своей тарелки десертную вилку. Подцепил тончайший, почти прозрачный ломтик ферментированной сливы, густо покрытый темным, глянцевым уваренным соусом с ароматом жареного сахара и дикого перца.

Он перегнулся через стол, сокращая дистанцию между их лицами до двадцати сантиметров.

От него исходил сложный, пьянящий коктейль ароматов: ледяная свежесть октябрьского вечера, въевшийся в поры запах сухого тимьяна, дорогой шерсти и чистого, концентрированного мужского упрямства.

— Открой рот, Алина, — тихо, с обманчивой мягкостью приказал он.

— Марк, прекрати этот балаган...

— Открой рот, или я сделаю то, что прописано в третьем пункте соглашения: поцелую тебя прямо под вспышку на глазах у всего зала. Выбирай.

Алина посмотрела в его зрачки. В них не было насмешки. Там горел тот же темный, опасный огонь, который она видела на его лице перед раскаленной сковородой на съемках. Он

не блефовал. Этот безумец был способен опрокинуть стол и поцеловать ее просто ради того, чтобы доказать свое превосходство.

Она стиснула зубы, чувствуя, как горячая краска заливает скулы, и медленно, с неохотой приоткрыла губы.

Марк подал вилку. Его пальцы на секунду коснулись ее нижней губы — мимолетное, но обжигающее прикосновение кожи к коже.

Слива коснулась языка.

Взрыв вкуса заставил Алину на мгновение забыть и о камерах на баре, и о дурацком контракте, и о своей ненависти к этому человеку.

Сначала рецепторы обожгла резкая, квашеная, почти винная кислотность долгой молочнокислой ферментации. Но, прежде чем язык успел сжаться от кислоты, ее накрыла плотная, маслянистая сладость жженого сахара мусковадо, в которую вплетался горький, смолистый дым можжевельника и глухой, землистый хруст тертого жареного фундука. Текстура соуса была шелковистой, обволакивающей, безупречно эмульгированной.

Это было вызывающе, дерзко и пугающе чувственно.

Алина непроизвольно прикрыла веки. Кончик ее языка медленно собрал остатки пряного соуса с губы. На долю секунды ее лицо потеряло маску холодного судьи, превратившись в лицо женщины, захваченной чистым, первобытным удовольствием.

Марк не отводил взгляда. Он замер, глядя на то, как дрогнули ее ресницы, как расслабились натянутые плечи, как порозовела ее шея над воротником блузки. В его горле встал тяжелый ком. Он почувствовал, как внизу живота завязался тугой, раскаленный узел — абсолютно не запланированный сценарием Артура.

Она открыла глаза. Серые радужки казались темными, почти штормовыми.

— Ну? — Марк с трудом вернул голосу привычную саркастическую интонацию, хотя в связках отчетливо сквозила хрипота. — Твой вердикт, великая и ужасная?

Алина сделала медленный вдох, пытаясь вернуть контроль над взбесившимся пульсом. Ее рука под его ладонью больше не пыталась вырваться.

— Слишком много ксантановой камеди в редукции, соус затянут агрессивнее, чем следовало, — ее голос прозвучал тише обычного, с легкой хрипотцой. — Но глубина ферментации сливы... сносная. Семь с половиной из десяти.

Марк медленно отпустил ее запястье, но не убрал руку со стола, оставив пальцы в сантиметре от ее ладони.

— Семь с половиной? От женщины, которая вчера обещала скормить меня моим же поварам? Я должен открыть шампанское.

— Не обольщайся, Левандовский, — Алина наконец взяла свой бокал с водой и сделала глоток, чтобы остудить пылающее горло. — Это готовил су-шеф «Меркатора». Ты к

этой сливе не имеешь никакого отношения.

Марк наклонился еще ближе. Его локоть оперся о стол, сокращая дистанцию до опасного предела.

— Если бы эту сливу готовил я, Ветрова... ты бы сейчас не рассуждала о камеди. Ты бы просила добавки.

— Какое бесстыдное хвастовство, шеф.

— Это не хвастовство, Алина. Это физика высоких температур. И рано или поздно я заставлю тебя признать, что под твоим ледяным панцирем есть живой вкус.

Они замолчали. Напряжение между ними перестало быть профессиональным. Оно сгустилось, превратившись в осязаемую гравитацию, заставлявшую обоих балансировать на краю пропасти.

В этот момент на стойке бара щелкнул затвор фотоаппарата, зафиксировав идеальный кадр: двое самых яростных врагов ресторанной Москвы сидят в полумраке за бокалами, их лица разделяют считанные сантиметры, а в глазах горит огонь, который невозможно симитировать ни за какие деньги телеканала.

ГЛАВА 5. ШЕЛК, УСТРИЦЫ И ПРОТОКОЛ

Сцена 1. Молния на спине

В номере отеля «Метрополь» пахло лаком для волос сильной фиксации, пудрой мелкого помола, свежесрезанными белыми лилиями и паникой стилиста.

— Алина Сергеевна, ради бога, не дышите так глубоко! — худощавый парень по имени Влад, чьи запястья были унизаны серебряными браслетами-гвоздями, судорожно дернул вверх бегунок потайной молнии. — Шелк винтажный, девяносто третий год, архивный Galliano. Если мы разойдемся по шву на фотоколле, Артур Борисович снимет с меня скальп прямо на глазах у главного редактора Vogue.

Алина стояла перед ростовым зеркалом в золоченой раме, упершись ладонями в мраморную консоль.

Она не узнавала отражение.

Исчезла строгая девушка в графитовом тренче и закрытых мужских жакетах, прячущая взгляд за темными стеклами очков. Из рамы на нее смотрела чужая, пугающе чувственная женщина.

Платье цвета увядающей чайной розы струилось по телу жидким, тяжелым шелком, обрисовывая изгиб бедер и тонкую талию. Спереди — глухой ворот-качели, спадающий до

ключиц. Но сзади... Сзади ткань отсутствовала вовсе: глубокий, вызывающий вырез обнажал всю спину до самого основания крестца, оставляя на виду бледную, фарфоровую кожу и четкую линию позвоночника, похожую на натянутую тетиву лука.

Волосы стилисты уложили в небрежную мокрую волну, закрепив с одной стороны массивной черепаховой заколкой. На губах тледа матовая помада оттенка переспелой брусники.

Дверь смежного сюта распахнулась без стука.

Марк шагнул в комнату, застегивая на ходу запонку из черного оникса на манжете белоснежной сорочки с воротником под бабочку.

Он ненавидел классические костюмы. В смокинге от Tom Ford из тяжелой шерсти с шелковыми шалевыми лацканами он выглядел не как столичный денди, а как наемник, которого обманом заставили надеть парадную форму. Его широкие плечи натягивали ткань спины до предела, воротник душил привыкшую к свободе шею, а темная, аккуратно подстриженная щетина придавала образу опасную, хищную брутальность.

Он поднял глаза, собираясь отпустить дежурную колкость насчет тайминга выезда, но слова застряли у него в глотке.

Марк замер посреди ковра.

Его темные, почти черные глаза медленно скользнули от кончиков ее атласных туфель цвета шампанского вверх по

струящемуся подолу, задержались на тонкой талии и застыли на обнаженной спине. В полумраке номера ее кожа казалась светящейся изнутри, гладкой, беззащитной и вызывающе нагой на фоне темного шелка.

Алина поймала его взгляд в зеркале.

Ее дыхание перехватило. В тишине комнаты стало слышно, как за окном шуршат шины представительских мерседесов по Театральному проезду. Взгляд Марка был не просто оценивающим — он был тяжелым, физически осязаемым, словно шеф провел по ее позвоночнику раскаленным лезвием ножа.

— Ты... — Марк сглотнул, прочистив охрипшее горло. Он заставил себя сделать шаг вперед, но его пальцы на манжете сорочки сжались так сильно, что ткань натянулась. — Ты собираешься выйти к камерам в этом?

— Пункт 3.4 дополнительного соглашения, шеф Левандовский, — Алина заставила свой голос звучать с привычной ледяной невозмутимостью, хотя сердце под ребрами забилося вдвое быстрее. — «Стороны обязуются соблюдать дресс-код категории Black Tie с элементами повышенной медийной аттрактивности». Артур лично согласовал этот наряд с дирекцией премии «Золотой нож». Что-то не так с моей аттрактивностью?

Марк подошел вплотную.

Стилист Влад, обладавший редким для своей профессии инстинктом самосохранения, тихо пискнул, подхватил сум-

ку с кистями и испарился из номера, мягко прикрыв за собой дубовую дверь.

Они остались одни.

Воздух между ними мгновенно сгустился до плотности густого кленового сиропа. От Марка пахло свежестью дорожного лосьона после бритья, сухим кедром, железом и тем самым въевшимся в поры ароматом жареного тимьяна, который не смывался никакими пятизвездочными гелями для душа.

Он остановился за ее спиной.

Алина почувствовала волну жара, исходившую от его тела. Марк медленно поднял правую руку. Его пальцы — широкие, огрубевшие, со следом недавнего термического ожога на указательном суставе — зависли в миллиметре от ее обнаженной лопатки.

Она видела в зеркале, как расширились его зрачки.

— На улице плюс четыре градуса и ледяной дождь, Ветрова, — негромко, с хриплыми бархатными нотами произнес он. — Ты посинеешь через две минуты на красной дорожке. Редакторы напишут, что у тебя не только сердце из льда, но и плечи.

— Я выдержу тридцать секунд протокольной съемки, — выдохнула она, не отводя взгляда от его отражения. — В отличие от тебя, я умею терпеть дискомфорт ради работы.

Марк опустил руку. Но не убрал ее.

Подушечка его большого пальца коснулась ее голой кожи

прямо между лопаток.

Прикосновение обожгло. Алина вздрогнула, по ее спине пробежала волна мурашек, заставившая шелк платья затрепетать. Палец Марка медленно, с гипнотической неспешностью опустил вниз по ложбинке позвоночника — позвонок за позвонком, считая каждый миллиметр ее наготы, пока не замер у самого края ткани на пояснице.

— Кожа холодная, — прошептал он ей на ухо, склонившись так близко, что его дыхание овеяло влажный завиток волос на ее шее. — Пульс сто десять. Ты боишься их, Алина.

— Я никого не боюсь, — ее голос дрогнул, выдав ее с головой.

— Ты боишься, что они увидят под маской критика живую женщину, — Марк положил вторую руку ей на талию, слегка сжав пальцы, разворачивая ее к себе лицом.

Теперь она стояла, прижатая спиной к холодному мрамору консоли, а Марк возвышался над ней, нависая всей своей мощью, отрезая свет ламп. Его глаза горели темным, опасным пламенем.

— Сегодня будет грязно, — тихо предупредил он, глядя прямо в ее приоткрытые губы. — Там будут все: рестораторы, которых ты втоптала в грязь, инвесторы, которые закрыли передо мной двери, журналисты, жаждущие крови. Они будут улыбаться и ждать, пока мы оступимся. Если ты дрогнешь хоть на секунду — они сожрут тебя живьем.

— Я не дрогну, — Алина подняла подбородок, глядя ему

прямо в глаза. Ее рука поднялась и легла на шелковый лацкан его смокинга. Пальцы слегка сжали плотную ткань. — Главное — не дрогни сам, шеф. Твоя бабочка завязана криво.

Марк коротко, сухо усмехнулся. В этой усмешке сверкнула прежняя бойцовская искра.

— Держись за меня, Ветрова. Сегодня мы играем по моим правилам подачи.

Сцена 2. Красный ковер и лед для устриц

Колонный зал Дома Союзов гудел, как высоковольтная подстанция.

Красная дорожка, накрытая прозрачным пластиковым навесом от дождя, начиналась прямо от гранитных ступеней Большой Дмитровки. Десятки фотографов в черных жилетах толкались локтями за ограждениями, слепя прибывающих гостей вспышками профессиональных камер. В воздухе висел тяжелый аромат селективной парфюмерии, табачного дыма, выхлопных газов лимузинов и озона от осенней грозы.

Когда тяжелая дверь черного представительского седана распахнулась, толпа репортеров взревела.

Марк вышел первым.

Он не стал суетиться или позировать. Он просто шагнул под дождь, расправил плечи и подал руку в глубину салона.

Тонкая белая ладонь Алины легла в его широкую ладонь.

Когда она ступила на ковер и шелк цвета чайной розы вспыхнул под светом пятидесяти вспышек, светская хрони-

ка столицы на секунду замолчала.

Это был визуальный нокаут.

Брутальная, почти первобытная мощь шефа в строгом смокинге и хрупкая, царственная нагота главного гастрономического палача рунета. Марк не отпустил ее руку. Он властно, по-хозяйски положил ладонь ей на поясницу — ровно на границу обнаженной кожи и шелка, закрывая собой вырез от наглых объективов бульварных таблоидов. Тепло его пальцев жгло спину Алины, служа невидимым щитом.

— Алина! Повернитесь к первой камере! — орали репортеры.

— Марк, это правда, что вы открываете совместный проект?!

— Как ваш роман пережил разгромную рецензию на «Золу & Мёд»?!

— Алина, поцелуйте шефа на камеру!

Марк наклонился к ней, делая вид, что поправляет прядь волос у ее щеки.

— Улыбайся, Ветрова. Они хотят шоу — дай им картинку, за которую Артур отдаст правую почку.

Алина медленно повернула голову к нему. На ее губах расцвела та самая опасная, гипнотическая улыбка, от которой у ресторанных сомелье холодело в животе. Она скользнула ладонью по его плечу, приподнялась на цыпочки и коснулась губами его колючей щеки — ровно на миллиметр ниже скулы.

Затворы камер затрещали, как пулеметы на полигоне.
Они вошли в парадный зал.

Под хрустальными люстрами екатерининской эпохи собрался весь гастрономический бомонд: рестораторы первой сотни Forbes, шефы с мишленовскими звездами, гастрокритики, блогеры-миллионники. Официанты в белых перчатках разносили на серебряных подносах ледяное шампанское blanc de blancs и устрицы на колотом льду.

Шепот покатился по залу, как круги по воде.

— Смотрите, он привел ее за руку...

— Боже, какое платье... Неужели Левандовский действительно приручил эту змею?

— Да бросьте, это пиар перед финалом шоу...

— Выпей шампанского, — Марк снял с проходящего подноса два тонких хрустальных бокала, протянув один ей. — У тебя пальцы ледяные.

Алина сделала крошечный глоток. Сухой, минеральный брют ожег язык колкими пузырьками, но внутренний холод не ушел.

В пяти метрах от них, у массивной белой колонны, стояла группа влиятельных инвесторов. В центре круга стоял Денис Соколов.

На нем был серый бархатный пиджак с шелковой бабочкой. В руке покачивался бокал виски. Он смотрел прямо на Алину — немигающим, тяжелым взглядом удава, прикидывающего размер добычи.

Марк перехватил этот взгляд.

Челюсти шефа мгновенно сомкнулись. Рука на талии Алины сжалась с такой силой, что шелк платья жалобно натянулся.

— Спокойно, Левандовский, — тихо, сквозь улыбку произнесла Алина, не глядя на бывшего. — Мы на приеме, а не на боксерском ринге. Если ты разобьешь ему нос здесь, нас вычеркнут из всех списков до утра.

— Разбивать ему нос — слишком быстрое удовольствие, — процедил Марк, глядя Соколову прямо в переносицу. — Я предпочитаю блюда длительного томления.

Денис отделился от группы и неторопливой, вальяжной походкой направился к ним. Толпа вокруг инстинктивно расступилась, образуя полукруг немого ожидания.

— Марк. Алина, — Соколов мягко улыбнулся, слегка приподняв бокал в шутливом тосте. — Какая восхитительная пара. Надо признать, Артур превзошел сам себя в кастинге. Вы смотрите вместе почти... убедительно.

— Мы не нуждаемся в твоих рецензиях, Денис, — ледяным тоном ответила Алина. — Твой предел экспертизы — подсчет маржи на пальмовом масле в эклерах.

Улыбка Соколова на долю секунды остекленела, но он виртуозно удержал светскую маску: — Остро, как всегда. Но осторожнее с сарказмом, дорогая. Ветреная погода в кулинарном мире переменчива. Сегодня ты блистаешь на дорожке в архивном платье, а завтра... наступают суровые рабочие

будни. Кстати, Марк, как поживают твои поставщики мяса? Слышал, у холдинга «Северный резерв» сменился совет директоров. Прежние льготные контракты для молодых шефов аннулированы со вчерашнего дня.

Марк не шелохнулся. Но Алина почувствовала, как под ее пальцами на его локте напряглись мышцы, превратившись в гранит.

«Северный резерв» был единственным эксклюзивным поставщиком дичи для «Золы & Мёда». Если поставка сорвана перед выходными — ресторан останется без флагманского сета.

— Моя кухня работает на огне, Соколов, а не на бумажках твоих директоров, — ровным, пугающим басом произнес Марк. — Отойди с дороги. От твоего одеколона устрицы портятся прямо на подносах.

Марк не стал дожидаться ответа. Он властно увлек Алину за собой, рассекая нарядную толпу, как ледокол взламывает весенний лед, направляясь к выходу на открытую террасу.

ГЛАВА 6. ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА В «ЗОЛЕ & МЁДЕ»

Сцена 1. Ад за распашными дверями

В пятницу в 18:30 ресторанный мир делится на две касты: тех, кто пьет аперитив в уютном зале, и тех, кто горит заживо в десяти квадратных метрах горячего цеха.

Алина приехала в «Золу & Мёд» без предупреждения.

Ее привел не контракт. Ее привели слова Соколова об аннулированных поставках мяса. Весь день внутри нее свербело неясное, тревожное предчувствие. Она надела простые темные джинсы, черный кашемировый джемпер и кеды, оставив бронежилет светской львицы в гардеробе.

В зале заведения царил полумрак: мягкий свет латунных ламп, тихий инди-поп из скрытых колонок, тридцать нарядных гостей уже изучали меню, потягивая просекко.

Но когда Алина толкнула маятниковые двери служебного входа на кухню, звуковая и обонятельная волна сбила ее с ног.

— Чек сорок два! Два тартара, одна щека, севице без лука!

— Где оленина, я вас спрашиваю?! Где заготовки?!

— Шеф, эмульсия расслоилась на водяной бане!

— Вылей и начни заново, криворукий баран! У тебя пять

минут!

На кухне площадью сорок квадратных метров температура перевалила за сорок градусов.

Гудели шесть индукционных плит, ревели вытяжные зонты, стальные столы звенели от ударов ножей и сотейников. Воздух был сизым от дыма раскаленного виноградного масла и запаха жареных костей для демигласа.

Посреди этого рукотворного ада стоял Марк.

Он был страшен. Ни следа от лощенного мужчины во фраке с красной дорожки.

Черный рабочий китель насквозь промок от пота на груди и спине. Рукава закатаны выше локтей, на правом предплечье багровел свежий след от края горячего противня. Волосы растрепаны, мокрые пряди прилипли ко лбу, глаза горели лихорадочным, безумным блеском. В руке он сжимал тяжелый поварской пинцет, как штык.

Перед ним стоял су-шеф Костя — бледный парень с трясущимися руками, судорожно перебиравший пластиковые гостроемкости.

— Шеф, рефрижератор «Северного резерва» застрял на терминале в Домодедово, — задыхаясь, докладывал су-шеф. — Они не отдают мясо без оригиналов новых накладных! У нас на раздаче ровно шесть порций вырезки! А в зале полная посадка! Через сорок минут начнется вечерний сервис, люди пришли на дегустационный сет! Нам нечем кормить сорок человек!

Марк с размаху швырнул пинцет на стальной стол. Металл пронзительно взвизгнул.

— Ублюдки... — прорычал он сквозь зубы. — Соколов перекупил логистическую партию. Он заблокировал растаможку.

В цехе повисла мертвая тишина. Повара замерли у плит, не решаясь поднять глаз. Стоп-лист на флагманское блюдо в пятницу вечером для молодого ресторана означал смерть. Это был финансовый и репутационный крах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.